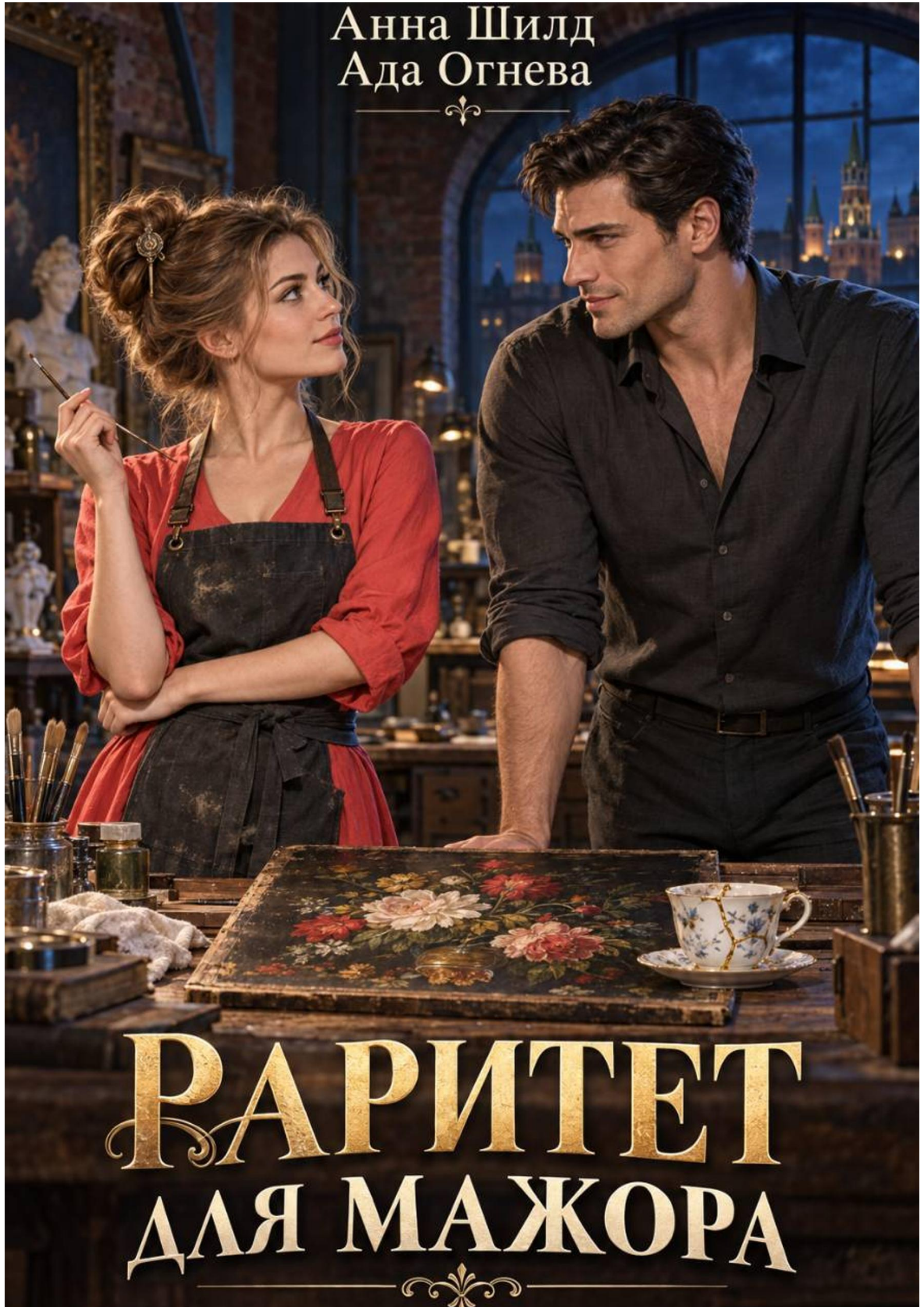

Анна Шилд
Ада Огнева

РАРИТЕТ ДЛЯ МАЖОРА

Ада Огнева

Раритет для мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Раритет для мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Варя привыкла спасать старинные вещи, а не избалованных мажоров. Максим Вяземский появляется в её реставрационной мастерской с безупречным костюмом, скверным характером и картиной, способной изменить судьбу обоих. Дальше — рабочий контракт, спор на винтажный «Ягуар» и тридцать дней рядом среди лаков, фарфора и колких перепалок. Варя уверена, что презирает этого арт-дилера. Максим уверяет себя, что просто играет. Но с каждым днём ему всё труднее держать дистанцию, а ей — верить в собственное равнодушие. Некоторые повреждения реставратор замечает слишком поздно. Особенно если речь идёт о сердце.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Шилд

Раритет для мажора

Раритет для мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Варвара

Запах очищенного пинена и терпентина каждое утро будил во мне ощущение абсолютной, почти монашеской ясности. В старом двухэтажном купеческом флигеле в глубине тихого покровского переулочка время текло совершенно иначе, чем на шумном бульварном кольце. Здесь, за полуметровыми стенами из темно-красного дореволюционного кирпича, под тяжелыми цилиндрическими сводами Монье, звуки утреннего мегаполиса превращались в едва различимый, умиротворяющий гул.

Понедельник начинался ровно в восемь утра. Без пяти минут восемь я уже повернула тяжелый кованый ключ в массивном замке, с наслаждением впуская в грудь прохладный дух застывшего векового покоя.

В воздухе нашей мастерской десятилетиями переплетались десятки тончайших, благородных ароматов. Сухая смолистая горечь венецианского терпентина спорила со сладковатым, медовым шлейфом натурального даммарового лака. Где-то в дальнем шкафу с реактивами глухо дышали стеклянные банки с сухими компонентами левкаса, очищенным мелом, копалом, шеллаком и сухими земляными пигментами. Из медной кюветы на водяной бане доносился чуть заметный студенистый дух вареного осетрового клея — чистейшего карлука, приготовленного по старинным рецептам из плавательных пузырей осетровых рыб.

Для меня этот воздух был роднее любого весеннего луга. Я выросла среди мольбертов, дубовых подрамников и стеллажей с потемневшим резным багетом. Мой наставник и учитель, Савелий Петрович, впервые привел меня в эти сводчатые покои шестилетней девчонкой, а позже готовил к поступлению на реставрационное отделение. Именно он вложил в мои пальцы первый реставрационный скальпель, научил слышать глухой хруст отслаивающегося красочного слоя, отличать подлинный вековой кракелюр от грубой фабричной сетки и вбил в память главную заповедь ремесла. Реставратор обязан быть смиренным хранителем чужой

мысли, чужого дыхания и чужого бессмертия. Дома я звала его дедом; в мастерской он оставался Савелием Петровичем.

На огромном дубовом стеллаже у стены выстроились старинные фолианты в потертых кожаных переплетах. Дореволюционные трактаты по византийской темпере, немецкие руководства по консервации масляной живописи, рукописные тетради самого Савелия Петровича с рецептами лаков и растворителей. Рядом на стеклянных полках блестели ряды аптекарских склянок с драгоценными порошками. Настоящий афганский лазурит цвета полуночного неба, пламенеющая киноварь, золотистый аурипигмент, свинцовые белила и глубокая бархатная жженная кость.

Каждый такой пигмент жил собственной тайной жизнью. Современные синтетические акрилы казались мне мертвыми и плоскими, в то время как старинные минеральные краски дышали сквозь века, меняя оттенки под лучами солнца и преломляя свет подобно драгоценным камням.

Три недели назад у Савелия Петровича случился инсульт. Прямо у центрального дубового верстака, когда он укреплял расслоившийся левкас на старинной вологодской иконе Богоматери. Сейчас старик лежал в подмосковном реабилитационном центре. Врачи давали осторожные обнадеживающие прогнозы, но курс интенсивного восстановления стоил колоссальных сумм. Счета из клиники ложились на мой стол с пугающей регулярностью. К ним прибавлялись хищные квитанции за аренду помещения и наглые уведомления от новой управляющей компании, которая спала и видела, как бы вышвырнуть нашу некоммерческую мастерскую на улицу и сдать площади под элитный винный бутик.

На углу конторки лежало последнее официальное предупреждение с синей гербовой печатью. Пятьсот восемьдесят тысяч рублей долга по аренде и коммунальным платежам. Срок погашения истек через десять дней. Если денег не будет, договор расторгнется в одностороннем порядке, а имущество мастерской подлежало описи и аресту.

Я посмотрела на свои пальцы. Кожа на подушечках огрубела от многолетней работы со скальпелями и тончайшими абразивами, под ногтем большого пальца въелась неистребимая крупинка натуральной умбры. Никакое мыло не могло до конца смыть этот след, и я гордилась им сильнее, чем светские львицы гордятся бриллиантовыми кольцами. Это были руки мастера, знающего цену настоящему труду.

За широкими полукруглыми окнами мастерской лежал мокрый октябрьский дворик. Желтые кленовые листья намертво прилипли к серым гранитным плитам старинной мостовой. Москва неслась вперед в бешеном вихре девелоперскихстроек, элитных клубов и биржевых спекуляций. Новые хозяева жизни измеряли культуру квадратными метрами и процентами прибыли. Они скупали дворянские усадьбы, выбрасывали на свалку фамильные архивы и искренне верили, что за пачку хрустящих купюр можно купить даже чужую душу. Наша мастерская оставалась крошечным островком подлинности среди этого мутного океана стяжательства.

Я перевернула предупреждение печатью вниз и подошла к гардеробному шкафу. Вечером Савелий Петрович непременно спросит о работе. Хотелось рассказать ему о спасенной вещи, а не заставить снова считать наши долги.

Мой рабочий наряд был неизменен годами. Плотный фартук из грубого серого льна с глубокими накладными карманами для инструментов, закатанные по локоть рукава свободной хлопковой рубашки и белоснежные перчатки без единой ворсинки. Густые темно-русые волосы я на скорую руку скрутила на затылке в тугую жгут и заколола длинной тонкой костяной шпилькой, выточенной еще в позапрошлом веке из моржового клыка. Ни один случайный волосок не имел права упасть на свежий лаковый слой или открытый грунт.

В дальнем углу зашумел старый пузатый медный чайник.

Моя помощница и способная ученица Катя, худенькая второкурсница Строгановки с вечно испачканным охрой кончиком носа, осторожно выставила на край верстака две фаянсовые кружки с крепким чаем и горным чабрецом.

— Варвара Дмитриевна, я проверила влажность в сушильном шкафу, — негромко доложила Катя, поправляя круглые очки в тонкой оправе. — Ровно пятьдесят два процента. Температура плюс восемнадцать. Все в точности по инструкции Савелия Петровича.

— Умница, Катюша, — тепло отозвалась я, принимая горячую кружку и делая спасительный глоток. — Заваривай траву погуще. Сегодня у нас день предельной сосредоточенности.

На моем центральном рабочем столе, на широкой подушке из мягкого прессованного войлока, покоилась чайная пара тончайшего фарфора завода Гарднера конца восемнадцатого века.

Чашка поступила к нам в поистине трагическом состоянии. Глубокая сетка трещин пересекала кобальтовое поле с золоченой цировкой, а ручка в виде причудливого изогнутого драконьего хвоста держалась на честном слове и грубом силикатном клее, успевшем пожелтеть и раскрошиться. Владелица чашки, пожилая интеллигентная правнучка профессора словесности, принесла ее в шелковом платке, утирая горькие слезы. Это была последняя память о ее родовой усадьбе.

Я натянула свежие перчатки, щелкнула тумблером бестеновой лампы и наклонилась над окулярами бинокулярного микроскопа.

Мир вокруг мгновенно растворился, сузившись до яркого круглого пятна. Через увеличительные линзы открывался настоящий лунный кратер. Хрупкие кристаллические сколы фарфоровой массы напоминали полупрозрачный колотый лед. Я взяла ультратонкий тефлоновый шпатель, осторожно смочила кончик в специальном очищающем составе и миллиметр за миллиметром принялась освобождать исторический черепок от застывшей силикатной корки.

Каждое движение требовало абсолютной неподвижности дыхания. Одно неловкое усилие — и хрупкий фарфор раскрошится навсегда, превратив двухсотлетнюю реликвию в горсть бессмысленного мусора. Пальцы двигались с заученной грацией скрипача. Под ровным светом лампы окаменевший клей сдался, обнажив безупречную белизну старинной массы.

— Потрясающе, — благоговейно прошептала Катя, замерев у меня за плечом. — Ни единого скола на кобальтовой эмали.

— Терпение и покой, Катя. В нашей профессии спешка всегда оборачивается гибелью памятника, — тихо произнесла я, откладывая шпатель и осторожно поводя плечами. — Старинные вещи наделены собственной памятью. Они пережили войны, пожары, смену эпох и глупость беспечных владельцев. Если подойти к ним с суетой или жадностью, они отомстят и рассыплются прямо в ладонях.

Я подошла ко второму столу, где на массивном наклонном мольберте ждало своей очереди живописное полотно середины девятнадцатого века. Небольшой академический пейзаж с видом на старую Москву страдал от прогрессирующего осыпания красочного слоя. Лак помутнел от времени, покрывшись белесой пленкой от сырости, а левкас вздулся мелкими пузырями вдоль нижнего края холста.

Мы с Катей разложили листы тончайшей японской бумаги козо. Я аккуратно нанесла теплый раствор осетрового клея мягкой колонковой кистью, прижала бумагу через вошеную прокладку и принялась методично прогревать поврежденный участок миниатюрным реставрационным утюжком с точным электронным термометром. Тепло и чистейший рыбий клей творили чудо. Красочный слой размягчался, плавно оседал на холст и намертво схватывался с волокнами основы.

В этом монотонном, ювелирном труде было скрыто высшее счастье. Катя повернула лампу по моему кивку, и на потемневшей крыше московского дома проступил зеленый блик. Ради такого мгновения я могла забыть о счете на конторке.

Старинные напольные часы с полированным латунным маятником в углу мастерской звонко отбили половину десятого утра.

В эту самую секунду за нашими окнами, выходящими в тихий мощеный дворик старой Покровки, раздался пронзительный визг тормозов тяжелой машины. Глухой, раскатистый бас прямоточного выхлопа всколыхнул вековую пыль на подоконниках, заставив тревожно отозваться тонкие хрустальные подвески на подвесном светильнике.

Я нахмурилась и выпрямилась во весь рост. В наш тихий тупик случайные гости никогда не заглядывали. Сквозь мутноватое стекло я увидела черный матовый внедорожник представительского класса, нагло перегородивший узкий арочный проезд. Из машины выскочил вышколенный шофер в черной фуражке, распахивая заднюю дверцу.

По чугунным ступеням наружной лестницы загрохотали тяжелые, уверенные шаги человека, привыкшего открывать любые двери пинком ноги.

Тяжелая дубовая дверь с кованой ручкой распахнулась с оглушительным грохотом. Медный колокольчик над притолокой захлебнулся паническим звоном, а со старинного кирпичного свода Монье на мой чистый верстак посыпалась белая известковая пыль.

В мастерскую ворвался холодный октябрьский сквозняк вместе с запахом сырого асфальта, дорогого бензина и тяжелого мужского парфюма.

В дверном проеме выросла внушительная фигура. Мужчина лет тридцати, высокий, широкоплечий, словно сошедший со страниц глянцевого журнала для миллионеров. На нем было расстегнутое длинное пальто из тончайшего кашемира цвета мокрого асфальта, из-под которого виднелся безупречно скроенный темно-синий шерстяной пиджак и белоснежная сорочка без галстука с расстегнутой верхней пуговицей. На холеном породистом лице с четко очерченными скулами и волевым подбородком застыло то особенное выражение ленивой сытой скуки, которое безошибочно выдает людей, привыкших покупать чужое раболепие оптом и в розницу.

От него веяло селективным удом, горьким грейпфрутом и абсолютной, железобетонной уверенностью в собственной исключительности.

Следом за ним, испуганно семеня и втягивая голову в плечи, ввалился щуплый молодой человек в круглых очках и узком деловом костюме. В руках парень сжимал массивный профессиональный кофр из черной тисненой кожи с усиленными латунными уголками и цифровыми замками.

Незванный гость даже не подумал поздороваться.

Он небрежно окинул взглядом наши кирпичные своды, стеллажи со старинными книгами и сушильные шкафы с выражением брезгливого снисхождения. Словно барин, случайно забредший в грязную кузницу на краю своей бескрайней вотчины. Мужчина забрал кофр у секретаря, широким хозяйским шагом пересек комнату и с грохотом опустил ношу прямо на мой центральный верстак.

Глава 2

От удара вздрогнула подушка с гарднеровским фарфором, а стоявшая на краю деревянная подставка с тончайшими беличьими и барсучьими кистями опрокинулась. Две драгоценные колонковые кисти номер ноль с сухим стуком покатались по доскам пола.

Мое сердце обожгло ледяной волной ярости.

Я медленно сняла белоснежные перчатки, аккуратно положила их на чистое полотенце и выпрямилась во весь рост. В мастерской повисла звенящая, напряженная тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем напольных часов и испуганным сопением Кати в дальнем углу.

— В приличном обществе принято стучать, переступая чужой порог, мужчина, — сказала я и посмотрела на кисти у его ботинок. Он проследил за моим взглядом, но даже не нагнулся. — А еще у воспитанных людей хватает ума не бросать багаж на рабочий реставрационный стол и поднять упавшие инструменты.

Мужчина насмешливо вскинул темную породистую бровь. На его четко очерченных губах заиграла ленивая, кривая ухмылка. Он посмотрел на меня сверху вниз с высоты своего солидного роста, медленно скользя взглядом по моему льняному фартуку, закатанным рукавам и костяной шпильке в волосах.

— Надо же, сколько достоинства в обычном полуподвале, — бархатным, низким и невероятно самоуверенным баритоном протянул он. Голос его звучал с той властной небрежностью, которая вырабатывается годами абсолютной безнаказанности. — Я Максим Вяземский. Если это имя вам ни о чем не говорит, спросите у любого антиквара отсюда до Лондона. А упавшие кисточки подберет мой секретарь, как только мы закончим разговор. У меня нет времени на политесы. Открывай, Арсений.

Щуплый секретарь засуетился, торопливо щелкнул кодовыми замками и бережно откинул массивную крышку кофра.

Внутри, на толстом ложе из бордового бархата, покоилась небольшая деревянная доска темного мореного дуба размером примерно пятьдесят на шестьдесят сантиметров.

Я невольно сделала шаг вперед. Любая злость на хамство мгновенно отступила перед святым профессиональным инстинктом. Передо мной лежало подлинное живописное полотно семнадцатого века.

Фламандская школа. Роскошный цветочный натюрморт на глубоком темном фоне. Из треснувшего глиняного кувшина пышно выплескивались тяжелые махровые розы, полосатые тюльпаны с острыми лепестками, белые нарциссы и ветки цветущего шиповника. На нижнем плане лежал надтреснутый спелый гранат, из глубин которого рубиновыми каплями сверкали сочные зерна. На лепестке розы застыла капля утренней росы с безупречно прописанным солнечным бликом, а чуть выше расправила крылья бабочка с павлиньими глазками.

Живопись была виртуозной. Тончайшие прозрачные лессировки, игра полутонов, живое биение света.

Однако при втором взгляде у меня перехватило дыхание от ужаса.

Шедевр находился в состоянии глубокой агонии. Вековая дубовая основа опасно выгнулась винтом под воздействием неправильной влажности. Красочный слой вдоль волокон дерева покрылся сеткой глубоких разрывов, а в нижней части, прямо на гранате, левкас вздулся рыхлыми пузырями, грозя осыпаться от малейшего неосторожного прикосновения. Но самое чудовищное заключалось в другом. Поверхность картины несла на себе следы варварской, преступной расчистки. Какой-то безграмотный дилетант пытался смыть потемневший вековой лак едким агрессивным растворителем, содрал защитную пленку и начисто смыл тончайшие авторские лессировки на рубиновых зернах плода.

— Где вы это взяли? — тихо, с трудом сдерживая дрожь в голосе, спросила я, наклоняясь над доской. — Кто посмел коснуться этой живописи растворителем?

Максим Вяземский небрежно сунул руки в карманы своего роскошного кашемирового пальто и равнодушно пожал широкими плечами.

— Частная коллекция в Вене. Картина куплена на прошлой неделе. Прежний владелец пытался слегка освежить лак перед продажей, но малость перестарался. Это ерунда. Главное, что доска подлинная.

— Ерунда? — я вскинула на него глаза, и в моем взгляде вспыхнула неприкрытая ярость. — Это варварство. Это уничтожение уникального авторского слоя. Еще два неосторожных движения, и здесь остался бы голый грунт.

— Мне не нужны лекции по истории искусств, милочка, — сухо перебил он, и в его голосе прорезались холодные металлические нотки. — Мне нужен результат. В среду вечером, ровно в девятнадцать ноль-ноль, в моем клубе в Барвихе собираются коллекционеры. У меня запланирован приватный предпоказ для троих очень серьезных людей из первой сотни нашего списка богатейших персон. Картина пойдет с молотка на осенних торгах за два миллиона евро.

Он сделал шаг ко мне, нависая всем своим внушительным ростом, и ткнул длинным пальцем с идеальным маникюром в сторону дубовой доски.

— Задача предельно простая. За сорок восемь часов ты должна убрать эту белесую муть, залить доску ровным глянцевым лаком, чтобы на свету все сверкало и переливалось, и замазать сколы на гранате. К картине должно прилагаться официальное экспертное заключение с круглой печатью вашей прославленной мастерской Савелия Петровича о том, что вещь находится в идеальном музейном состоянии и прошла полную научную регенерацию.

Он говорил о поддельном заключении тем же тоном, каким заказывал бы ужин. Я посмотрела на Катю: она медленно убрала свою кружку подальше от его рукава.

— Вы требуете фальсификации? — отчеканила я, сжимая кулаки в карманах фартука. — Вы хотите, чтобы я за сорок восемь часов залила разрушающийся красочный слой синтетическим глянцем, замуровала активные очаги осыпи и подписала поддельный сертификат?

— Я требую коммерческой предпродажной подготовки, — холодно усмехнулся Вяземский. — Не строй из себя непорочную институтку. Рынок антиквариата держится на блеске и красивой подаче. Покупателям в Барвихе плевать на ваши молекулярные анализы и полугодовые консервации. Им нужна эффектная вещь над камином в мраморной гостиной, чтобы хвастаться перед гостями под бокал выдержанного шампанского.

— Эта картина требует минимум четырех недель непрерывной, тончайшей работы, — твердо произнесла я. — Сначала укрепление левкаса и красочного слоя чистым осетровым клеем на водяной бане. Затем бережное послойное утоньшение деструктированного лака под ультрафиолетом. Затем авторские тонировки сухими пигментами в границах утрат и только натуральный даммарный лак тончайшим распылением. Если залить ее вашим глянцем прямо сейчас, под пленкой начнется парниковый процесс, красочный слой вздуется пластами, и через полгода этот шедевр превратится в шелушащуюся труху.

Максим Вяземский презрительно хмыкнул, достал из внутреннего кармана пальто пухлую пачку денег, перетянутую банковской лентой, и с глухим шлепком бросил ее на чистые доски верстака. Пятьсот тысяч рублей новенькими пятитысячными купюрами.

— Здесь аванс, — бросил он с хозяйской интонацией. — Еще столько же получишь в среду вечером, когда Арсений заберет упакованную доску с твоей подписью. Для твоего убогого заведения это годовой бюджет. Так что засунь свою музейную гордость куда подальше, бери кисточку и начинай отрабатывать гонорар.

Воздух в комнате сгустился до плотности свинцовой плиты.

Катя у чайника испуганно пискнула и зажала рот ладонью. Секретарь Арсений нервно переминался с ноги на ногу, косясь на дверь.

Я опустила взгляд на аккуратную пачку денег. Пятьсот тысяч. Почти весь долг по аренде. А в среду он обещал еще столько же — хватило бы и на клинику. Я уже видела, как убираю со стола неоплаченные счета. Спасение лежало на расстоянии вытянутой руки. Нужно было лишь согласиться на подлость, предать дело своей жизни и стать сообщницей бессовестного спекулянта.

Я медленно протянула руку.

На лице Вяземского расцвела сытая, торжествующая улыбка победителя. Он уже приготовился повернуться к выходу, абсолютно уверенный, что очередная крепость пала перед блеском его золота.

Вместо денег мои пальцы нащупали тяжелую жестяную банку с грязной ветошью. Я вытащила из нее заскорузлую от старого терпентина, битумного лака и темной масляной грязи тряпку, источавшую удушливый химический смрад. Быстрым, отточенным движением фокусника я накрыла этой мерзкой тряпкой хрустящую пачку купюр, сгребла все вместе в неопрятный вонючий комок и с размаху вlepила его прямо в безупречную шелковую манишку застывшего от ужаса секретаря Арсения.

Тот охнул, выронил кожаные перчатки и судорожно прижал грязный ком к груди. На его тонкой сорочке мгновенно расплылось жирное темно-коричневое пятно битума.

Улыбка соскользнула с лица Максима Вяземского, сменившись выражением ледяного оцепенения.

— Вы ошиблись адресом, господин арт-дилер, — отчеканила я, и мой голос звенел чистой, закаленной сталью. — В нашей мастерской восстанавливают шедевры, а не малюют фальшивки для безграмотных нуворишей. Заберите свою бумагу и убирайтесь вон.

Вяземский медленно подался вперед. Его темные глаза сузились, превратившись в два пылающих черных угля. Желваки на его породистых скулах вздулись с такой силой, что послышался сухой скрип зубов. За всю свою роскошную жизнь этот баловень судьбы ни разу не сталкивался с тем, чтобы простая девчонка в льняном фартуке прилюдно вытерла об него ноги перед его подчиненным.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь, соплячка? — процедил он глухим, kloкочущим от бешенства шепотом. — Я могу стереть этот клоповник в пыль одним звонком. Завтра утром сюда приедут бульдозеры, а ты пойдешь торговать матрешками в подземном переходе.

Мы стояли так близко, что я чувствовала жар, исходивший от его напряженного тела. Воздух между нами вибрировал от нестерпимого электрического напряжения. Внутри меня все звенело, сердце колотилось где-то в горле, и я заставила себя остаться на месте. Отступлю — он сочтет это приглашением сделать еще шаг.

Я взяла со стола тяжелый стальной реставрационный шпатель и указала лезвием на дверь. Вяземский проследил за этим движением; Катя отступила к тревожной кнопке.

— Вон, — не повышая голоса, произнесла я. — Если через три секунды вы не уберете свои дорогие ботинки с нашей мостовой, я вылью на ваше кашемировое пальто ведро горячего осетрового клея и нажму кнопку тревожной сигнализации. Посмотрим, как вы будете объяснять наряду полиции попытку хулиганского нападения на исторический памятник.

Вяземский буравил меня взглядом еще несколько долгих, мучительных секунд. Казалось, он готов броситься вперед и переломить этот проклятый шпатель пополам. Но затем его челюсти сжались в гранитную маску.

— Ты пожалеешь об этом, — тихо, с леденящей душу угрозой бросил он.

Мужчина резко крутанулся на каблуках, едва не сбив с ног оцепеневшего Арсения, и стремительным шагом вылетел вон.

Тяжелая дверь захлопнулась с таким грохотом, что колокольчик оторвался от крепления и со звоном покатился по полу. Катя подобрала его; крепление придется починить, когда перестанут дрожать руки. Спустя мгновение во дворе яростно взревел прямоточный мотор, взвизгнули покрышки на мокрых гранитных камнях, и черный внедорожник умчался в сторону Покровки.

В мастерской воцарилась гробовая тишина. Лишь на моем рабочем верстаке, в распахнутом кожаном кофре на бордовом бархате, сиротливо мерцал брошенный фламандский натюр-морт.

Глава 3

Тогда, сидя в тихом вечернем полумраке нашей мастерской на Покровке и бережно убирая оставленную фламандскую доску в бронированный сейф, я еще не подозревала, какая изощренная мужская игра развернулась в тот же час на другом берегу реки.

Я пила остывший чай с чабрецом, слушая, как за толстыми стеклами шумит холодный октябрьский дождь. Мои пальцы все еще подрагивали от пережитого потрясения, а в голове стучала одна и та же мысль. Мы нажили смертельного врага, у которого хватит денег и связей, чтобы стереть наше тихое ремесло с лица земли. Однако о том, что происходило в закрытом особняке на Остоженке, я не могла помыслить даже в самом страшном сне.

Лишь много недель спустя, когда тайное станет явным и сокрушительная правда разобьет мое сердце на куски, я узнаю каждое слово, каждое оскорбительное движение и каждую циничную усмешку той ночи.

В приватной лаундж-зоне элитного клуба на Остоженке стоял густой, терпкий полумрак. Пахло кубинскими сигарами, выдержанным торфяным виски и тончайшей кожей тяжелых диванов «Честерфилд». За огромными панорамными окнами раскинулась мокрая ночная Москва, мерцающая золотыми и неоновыми огнями набережных. Под высокими сводчатыми потолками приглушенно переливался меланхоличный саксофон, а в камине из полированного черного базальта лениво потрескивали березовые поленья.

Максим Вяземский сидел у длинной мраморной барной стойки, остервенело сжимая пальцами массивный хрустальный бокал с двадцатилетним шотландским скотчем.

Ледяные кубики с глухим стуком бились о толстые стенки стекла. На спинке соседнего высокого стула висело кашемировое пальто, но Вяземскому казалось, что от его шерсти до сих пор отчетливо веет едким духом очищенного скипидара и чужого неприкрытого презрения. Всякий раз, когда он закрывал глаза, перед ним вспыхивало бледное, решительное лицо дев-

чонки в сером фартуке с костяной шпилькой в волосах и ее холодный, немигающий взгляд, в котором не было ни капли страха.

На полированном черном ониксе столешницы непрерывно вздрагивал тяжелый титановый смартфон.

Экран вспыхивал десятками уведомлений. В закрытом антикварном сообществе столицы слухи распространялись со скоростью порохового шнура. Кто-то из водителей или помощников успел проболтаться, и теперь столичная арт-богема с упоением перемывала кости главному триумфатору аукционных домов. Владельцы частных галерей присылали ядовитые сообщения с соболезнаваниями, а завсегдатаи светских раутов открыто потешались над тем, как всеильного арт-дилера вышвырнули из полуподвала с промасленной тряпкой в зубах.

Тяжелая портьера из бордового бархата плавно колыхнулась.

В зал неслышной, кошачьей походкой вошел Герман Розенберг.

Главный конкурент Вяземского на антикварном рынке, наследник старинного банкирского дома и самый опасный циник светской Москвы, Герман выглядел воплощением утонченного порока. На нем был идеально подогнанный по фигуре двубортный костюм из черного шелкового муара, белоснежная сорочка с запонками из черного оникса и тонкие, тронутые едва заметной проседью темные волосы, зачесанные назад. На его узком, хищном лице с тонкими усиками блуждала та особенная улыбка превосходства, от которой у нормальных людей по спине пробегал мороз.

Герман неторопливо подошел к стойке, жестом подозвал бармена и заказал бокал ледяного сухого мартини с зеленой оливкой.

Затем он повернулся к Вяземскому, с театральным наслаждением оглядел его напряженную фигуру и тихо, ядовито рассмеялся.

— Какой восхитительный вечер, дорогой Максим, — вкрадчивым, шелковым голосом произнес Розенберг. — Город гудит словно потревоженный улей. Я только что ужинал в ресторане у Кремля, и половина наших общих знакомых чуть не подавилась устрицами от восторга. Неужели это правда? Неужели грозный лев арт-рынка, покоритель венских аукционов и гроза европейских дилеров получил оглушительный пинок под зад от безвестной малярши на Покровке?

Челюсти Максима сжались так яростно, что под гладкой кожей вздулись тяжелые желваки. Он залпом осушил бокал до дна, тяжело опустив стекло на оникс.

— Закрой пасть, Герман, — глухо, с опасной хрипотой бросил Вяземский. — Если ты пришел сюда почесать язык, лучше найди себе другую аудиторию. Я сегодня не в настроении слушать твои плоские шутки.

— О, брось, Макс, обижаться на факты — удел слабых, — насмешливо парировал Розенберг, медленно крутя в пальцах тонкую ножку бокала. — Я слышал, тебе швырнули в лицо тряпку с битумом, отобрали твою жалкую подачку и пообещали сдать в полицию за бродяжничество. Ты теряешь хватку, мой друг. Ты привык очаровывать силиконовых кукол на Патриарших прудах, которые готовы прыгать к тебе в постель за дизайнерскую сумку. Но как только перед тобой встала настоящая женщина с характером и принципами, ты спасовал и позорно сбежал.

Максим медленно повернул голову. Его темные глаза полыхнули бешеным, первобытным пламенем. Мужчины смерили друг друга взглядами заклятых врагов, враждовавших еще со студенческих времен.

— Эта девчонка — упрямая фанатичка, возомнившая себя последним праведником на земле, — с ледяным бешенством произнес Вяземский. — Завтра в полдень ее мастерская прекратит свое существование. Я сотру этот купеческий сарай вместе со всеми ее баночками и кистями. Мои юристы уже готовят документы. Через неделю она будет умолять меня о работе помойки в моей галерее.

Розенберг театрально вздохнул и покачал головой с глубоким разочарованием.

— Как банально. Как предсказуемо и убого. Раздавить слабую девочку судебными исками и бульдозерами строительной компании? Максим, это расписка в собственном полном бессилии. Ты просто испугался ее. Ты признаешь, что не способен подчинить ее своей воле как мужчина. Ты можешь ломать только через деньги и силу, потому что для тонкой игры у тебя не осталось ни ума, ни обаяния.

Слова Германа ударили точно в цель, вспоров самое уязвимое место в броне Вяземского — его безмерную мужскую гордость.

— Ты считаешь, я не смогу заставить ее плясать под мою дудку? — прорычал Максим, опасно подавшись вперед всем мощным корпусом.

— Я уверен в этом, — холодно прищурился Розенберг, и в его глазах блеснул хищный огонек заядлого игрока. — Такие женщины сделаны из другой глины. Ты никогда не заставишь ее добровольно склонить голову перед твоим богатством. Хочешь доказать обратное? Давай проверим. Или кишка тонка сыграть по-крупному?

Воздух между соперниками накалился до предела.

— Назови ставку, — отчеканил Вяземский.

Герман медленно достал из нагрудного кармана пиджака тонкий футляр из полированного палисандра, инкрустированный золотом. Он щелкнул замочком и повернул футляр к Максиму.

Внутри, на черном бархате, лежала потрясающая реликвия. Небольшие настольные часы и золотой портсигар с сапфировым кабошоном на замке, покрытые сложнейшей прозрачной гильошированной эмалью нежно-бирюзового цвета с миниатюрным гербом императорской фамилии.

— Семейная коллекция подлинных шедевров дома Фаберже, — благоговейно произнес Розенберг. — Вещи из личных покоев императрицы. Экспертиза Эрмитажа, безупречный провенанс, музейное значение. Рыночная цена — три миллиона долларов. Я ставлю эти шедевры против твоей главной любимицы. Против твоего винтажного темно-зеленого «Ягуара» тысяча девятьсот шестьдесят первого года.

Максим замер.

Его темно-зеленый открытый родстер «Ягуар» был его абсолютной святыней. Легендарный спортивный автомобиль с идеальными хищными линиями кузова, который он выбивал три года на закрытых торгах в Монако и восстанавливал до последнего оригинального болта. Это была не просто машина, это был символ его триумфа, его главная гордость, которой завидовали все коллекционеры Европы.

— Ты с ума сошел, Герман, — тихо произнес Вяземский.

— Боишься? — сладко протянул Розенберг. — Я так и знал. Твой «Ягуар» останется в гараже, а позор на Покровке останется с тобой навсегда.

— Каковы условия? — резко перебил Максим, и в его голосе зазвенела ледяная сталь.

Герман хищно улыбнулся. Ловушка захлопнулась.

— Ровно тридцать дней, мой дорогой друг, — прошептал Розенберг, наклоняясь ближе. — Отсчет с завтрашнего полудня. Финал — на нашем закрытом аукционе в Барвихе. За этот срок ты должен не просто заставить эту строптивую реставраторшу спасти твою фламандскую доску без всяких судебных приставов и насилия. Ты должен сломать ее ледяную броню. Она должна добровольно войти в аукционный зал в Барвихе под руку с тобой, в роскошном вечернем платье, на правах твоей официальной спутницы, и при всем высшем свете подтвердить твой триумф.

Розенберг сделал паузу, смакуя каждую каплю яда.

— Если через тридцать дней она не появится на твоём плече в Барвихе или если она узнает об этом споре раньше финала, ключи от твоего обожаемого «Ягуара» переходят ко мне

навсегда. Если ты выполнишь условия, эти реликвии Фаберже станут твоими без единого цента доплаты. По рукам?

Максим Вяземский посмотрел на бирюзовую эмаль императорского портсигара, затем перевел взгляд на ночные огни Москвы за стеклом. В его жилах бушевала дикая смесь ярости, азарта и оскорбленного самолюбия.

Он протянул руку и крепко, до хруста в пальцах, сжал ладонь Германа.

— По рукам, — процедил Максим. — Готовься прощаться со своим антиквариатом, Розенберг. Через тридцать дней эта гордая птица будет есть у меня с ладони.

Глава 4

Всю ночь я не сомкнула глаз. В нашей крошечной однокомнатной квартире на Басманной за окнами монотонно хлестал ледяной дождь, срывая последние мокрые листья с черных тополей. Перед моим внутренним взором непрерывно стояла брошенная дубовая доска. Горькие рубиновые зерна граната, прозрачные крылья бабочки и смертоносные трещины на старинном левкасе преследовали меня даже в коротких тревожных полуснах.

Во вторник без двадцати семь утра я уже спускалась по мокрым чугунным ступеням к мастерской.

В мастерской стояла густая, стылая тишина. Пахло холодным кирпичом, сухой лавандой, древесным углем и терпким пиненом. Я щелкнула тумблерами нижнего освещения, зажгла керосиновую горелку под медным чайником и натянула свежие белоснежные хлопковые перчатки.

Открыв бронированный сейф в толще капитальной стены, я бережно извлекла тяжелую дубовую доску. В утреннем рассеянном свете фламандский натюрморт казался еще более беззащитным и хрупким.

Вскоре прибежала Катя. Девушка была бледной, ее пальцы нервно сжимали ремешок промокшей холщовой сумки.

— Варвара Дмитриевна, я всю ночь читала каталоги фламандских мастеров семнадцатого века в электронном архиве, — с порога зашептала Катя, торопливо стряхивая капли дождя с пальто. — Эта композиция с кувшином и надтреснутым гранатом невероятно напоминает работы Яна Брейгеля Младшего. Если это подлинник его круга, перед нами национальное сокровище.

— Сейчас мы это выясним, Катя, — тихо отозвалась я, устанавливая доску на наклонный столик под бестеневую линзу.

Я включила ультрафиолетовый излучатель.

Помещение мастерской озарилось призрачным фиолетовым сиянием. В темных лучах потемневшая поверхность картины мгновенно преобразилась. Старый деструктированный лак отозвался мутным, неравномерным желтовато-зеленым свечением, безошибочно выдавая натуральную смолу конца девятнадцатого века. Но самое главное открылось в нижнем правом углу, возле полированной кромки деревянного стола, на котором покоился гранат.

Под толстым слоем грубой коричневой записи, оставленной каким-то неумелым реставратором позапрошлого столетия, проступали едва заметные рельефные мазки.

Мое сердце пропустило удар. Дыхание перехватило.

Я закрепила бинокулярные окуляры на переносице, взяла в правую руку микроскальпель с алмазной заточкой и капнула микроскопическую каплю растворителя на ватный тампон на кончике деревянной иглы. Я оперла запястье о подставку. Катя задержала лампу над моей рукой, и тонкий край поздней краски наконец отделился от нижнего слоя.

Миллиметр за миллиметром поздняя грубая краска размягчалась и отступала. Под ней, на первозданном авторском грунте цвета слоновой кости, открылись тончайшие, филигранные линии. Две переплетенные латинские буквы и крошечный цветок дикой розы — личная, потайная монограмма великого фламандского мастера, нанесенная тончайшей кистью в сырой живописный слой более четырехсот лет назад.

— Господи, — выдохнула Катя, схватившись за край верстака. Ее глаза за круглыми стеклами очков стали огромными. — Это же он. Подлинный мастерский знак круга Брейгелей.

— Это не просто дорогая картина для гостиной богатого нувориша, — с благоговейным трепетом прошептала я, чувствуя, как по спине бегут мурашки. — Если исследования подтвердят находку, это будет музейная сенсация мирового уровня. Возможно, та самая вещь, которую считали утраченной во время наполеоновских войн. Залить эту живопись синтетическим глянцем ради быстрой наживы на торгах в Барвихе было бы тягчайшим преступлением против человеческой культуры. Мы обязаны спасти ее по всем правилам науки.

Однако закончить мысль мне не удалось.

Снизу, со стороны мощеного дворика, донесся тяжелый топот множества ног. Спустя секунду входная дверь распахнулась без малейшего предупреждения.

В мастерскую шумно ввалились двое мужчин в дешевых полиэстеровых куртках с пластиковыми планшетами в руках. Впереди шел одутловатый субъект с сальными волосами и бегающими поросычкими глазками, за ним маячил хмурый верзила в куртке с шевроном частного охранного предприятия.

— Варвара Дмитриевна Берестова? — визгливым, скрипучим голосом осведомился одутловатый, не утруждая себя снятием мокрой кепки.

— Я вас слушаю, — холодно отозвалась я, инстинктивно прикрывая фламандскую доску мягким войлочным чехлом. — Кто дал вам право врывать в закрытую мастерскую в грязной обуви?

— Я представитель управляющей компании «Столичный актив», — с наглым превосходством ухмыльнулся вошедший, шлепнув на край конторки пачку бумаг с синими штампами. — Уведомляю вас об одностороннем расторжении договора аренды помещения купеческого флигеля. Права арендодателя вчера перешли к новому инвестиционному фонду. В связи с систематической неуплатой арендных платежей и грубейшими нарушениями правил пожарной безопасности договор аннулирован.

— Какими еще нарушениями? — возмутилась я, чувствуя, как внутри закипает глухая тревога.

— Хранение легковоспламеняющихся и взрывоопасных жидкостей в историческом жилом фонде, — победно осклабился субъект, тыча коротким пальцем в стеклянные банки с терпентином и спиртом. — Спирты, растворители, открытый огонь спиртовых горелок. Насто-

ящим предписывается освободить занимаемые площади в течение семидесяти двух часов. В пятницу в девять утра судебные приставы опечатают объект. Все находящееся внутри имущество, мебель, станки и архивы будут вывезены на штрафной муниципальный склад для последующей принудительной реализации в счет погашения долга.

— Это произвол! — звонко крикнула Катя, вступая вперед с горящими от гнева глазами. — У нас бессрочный охранный статус мастерской народных ремесел! Здесь хранятся архивы академика реставрации Савелия Петровича! Вы не имеете права прикасаться к чужому наследию!

Одутловатый лишь презрительно сплюнул на половику у входа.

— Девочка, свои права будешь качать в суде. А у нас на руках официальное распоряжение департамента городского имущества. Через трое суток замки срежут автогенном, а весь ваш пыльный хлам полетит в мусорные контейнеры.

У меня потемнело в глазах. Стены родного флигеля словно качнулись. Семьдесят два часа. Вывезти уникальное тяжелое оборудование, сушильные шкафы, коллекцию старинного фарфора, хрупкие иконы и вековые дубовые верстаки за трое суток было физически невозможно. Без специального микроклимата бесценные памятники погибнут. А Савелий Петрович в реабилитационном центре просто не переживет известия о гибели дела всей своей жизни.

И в этот самый критический миг чугунные ступени за дверью снова глухо отозвались под уверенными шагами.

Дверной проем заслонила высокая, широкоплечая тень.

В мастерскую неторопливо вошел Максим Вяземский.

На этот раз он был один. Длинное темно-серое шерстяное пальто идеального покроя подчеркивало его атлетическую фигуру, на шее темнел тонкий кашемировый шарф, а в руках он держал элегантную кожаную папку с золотым тиснением. Мужчина двигался с небрежной грацией хищника, явившегося на собственное законное пепелище.

Представитель управляющей компании мгновенно осекся на полуслове, его наглая физиономия вытянулась в подобострастном поклоне, а охранник торопливо вытянулся во фрунт.

— Максим Александрович, доброе утро, — заискивающим тоном заблеял одутловатый. — Мы как раз вручаем официальное уведомление о выселении, все строго по вашему личному указанию.

Вяземский даже не удостоил чиновника взглядом. Он сделал легкий, небрежный жест пальцами в черной кожаной перчатке.

— Вы свободны, — бросил он сухим, властным тоном. — Ждите в машине внизу.

Мужчины испарились словно утренний туман, торопливо прикрыв за собой дверь. В мастерской снова повисла ледяная, натянутая до звона тишина.

Максим неторопливо подошел к моему столу, положил кожаную папку на полированное дерево верстака и медленно расстегнул пуговицы пальто. От него веяло холодным осенним ветром, дорогим табаком и той сокрушительной, подавляющей силой власти, против которой у простых людей нет оружия.

Его темные, глубокие глаза насмешливо впились в мое лицо. На губах играла ленивая, хищная улыбка победителя, загнавшего добычу в глухой тупик.

— Вчера ты очень эффектно размахивала шпателью и бросалась тряпками, Варвара, — произнес он тихим, бархатным голосом, в котором вибрировало опасное торжество. — Твой гнев был невероятно артистичен. Но в реальном мире побеждают холодный расчет и ресурсы, вытесняя любые романтические позы. Вчера в пять вечера инвестиционный холдинг моей семьи закрыл сделку по выкупу долговых обязательств и прав аренды на этот флигель. Пятьсот восемьдесят тысяч долга, счета за коммуналку, штрафы пожарной инспекции — теперь все это принадлежит лично мне.

Он сделал полшага вперед, сокращая дистанцию. Я почувствовала сухое тепло, исходящее от его плеч, и легкий аромат горького грейпфрута.

— Судьба твоей мастерской, здоровье твоего приемного деда в элитной клинике и твое личное будущее сейчас находятся ровно под этой обложкой, — он постучал пальцем по кожаной папке. — Если я скажу слово, в пятницу утром сюда войдут рабочие и вышвырнут твои кисточки на асфальт под дождь. Но я великодушный человек, Варвара. Я готов предложить тебе мировую сделку.

Глава 5

В воздухе мастерской повисла тяжелая, густая тишина. Казалось, даже старинные кирпичные своды Монье замерли, ожидая моего ответа.

Я смотрела в темные глаза Максима Вяземского, чувствуя, как под ребрами медленно разжимается стальная пружина гнева. Этот человек привык брать от жизни все, что пожелает. Он скупал компании, диктовал цены на аукционах, крушил чужие судьбы одним росчерком пера и искренне верил, что у каждого человека на этой земле есть свой ценник. Он пришел сюда, чтобы увидеть мои слезы, сломать мою гордость и заставить молить о пощаде.

Но вместо паники во мне поднялась холодная, кристальная ярость мастера, защищающего свой храм.

Я медленно подошла к центральному столу, двумя пальцами сняла мягкий войлочный чехол с фламандской доски и включила направленный бестеневой светильник. Затем повернула окуляры бинокулярного микроскопа в сторону гостя.

— Прежде чем говорить о мировой сделке, господин Вяземский, сделайте два шага вперед и посмотрите в микроскоп. — Я придержала поворотный столик, оставив гостю место у окуляров. Кожаную папку ему пришлось отодвинуть.

Максим насмешливо прищурился, но любопытство коллекционера пересилило спесь. Он неторопливо подошел, наклонился над столом и прижал веки к резиновым наглазникам окуляров.

Я щелкнула тумблером боковой подсветки, направляя луч точно на расчищенный миллиметровый квадрат в нижнем правом углу доски.

— Что это? — глухо спросил он спустя пять секунд. Его голос заметно изменился, потеряв прежнюю вальяжную тягучесть.

— Это потайная авторская монограмма, скрытая под поздней записью девятнадцатого века, — пояснила я, указывая на расчищенный участок. — Две переплетенные литеры и бутон дикой розы. Личный знак мастера из ближайшего окружения Яна Брейгеля Младшего. Перед вами не просто безымянная интерьерная картина, за которую ваши богатые клиенты из Барвихи небрежно отстегнут пару миллионов. Это утраченный шедевр фламандского Золотого века музейного значения.

Максим медленно оторвался от окуляров и выпрямился. Его холеное лицо стало предельно собранным. В зрачках мужчины вспыхнул острый, профессиональный блеск опытного игрока, мгновенно оценившего масштаб открывшейся тайны. Он снова наклонился к окулярам, проверяя увиденное. Имя Брейгеля уже сделало то, чего я не добилась угрозами: заставило его слушать.

— Ты уверена в этом знаке? — тихо спросил он, и в его взгляде впервые промелькнуло нечто похожее на неподдельный интерес.

— Сам знак перед вами, — ответила я. — Атрибуцию еще предстоит подтвердить исследованиями. — А еще наука говорит о том, что если эту доску покрыть вашим дешевым синтетическим глянцем, авторский грунт под пленкой задохнется и отслоится в течение полугода. Скандал на международных торгах похоронит репутацию вашего аукционного дома навсегда. Ни один серьезный музей мира больше не подаст вам руки.

Вяземский скрестил руки на груди, внимательно разглядывая меня. В его взгляде уже не было прежнего пренебрежения. Он видел перед собой опасного, глубоко компетентного противника, знающего свои козыри.

— И что ты предлагаешь, Варвара? — с легким прищуром поинтересовался он. — Отказаться от торгов и отдать шедевр в государственный фонд? Забыть про долги твоей мастерской и просто разойтись по домам?

— Я предлагаю спасти эту картину, — твердо ответила я. — По всем законам реставрационного искусства. Я берусь провести полную академическую консервацию, восстановить связь красочного слоя с деревом, послойно расчистить авторский лак и выполнить музейные тонировки в границах утрат. Но работать я буду исключительно на своих условиях. Либо вы принимаете мой регламент, либо забираете свою папку, печатываете флигель прямо сейчас, а я немедленно отправляю официальный отчет об обнаруженном памятнике в комитет по охране культурного наследия. Посмотрим, как вы будете вывозить арестованную картину за границу.

Челюсти Максима сжались, на скулах дрогнули желваки. Он оценил удар. Ловушка, которую он так заботливо выстроил вокруг нашей мастерской, внезапно захлопнулась с другой стороны. Его собственная жадность и ставки на торгах теперь зависели от моих рук.

— Ты смелая, — глухо усмехнулся он, подходя вплотную к верстаку. — Назови свои условия.

Я выдвинула средний ящик стола, достала лист плотной гербовой бумаги с водяными знаками мастерской Савелия Петровича и взяла старинную перьевую ручку с золотым пером.

— Пункт первый, — я вывела номер на бумаге. Максим наклонился, читая через стол. — Срок работы — до открытия торгов, тридцать дней с сегодняшнего полудня. Ни днем меньше. Никаких ночных штурмов и спешки. Реставрационные процессы требуют естественной сушки и полимеризации материалов.

— Тридцать дней меня устраивают, — кивнул Вяземский. — Торги назначены как раз через месяц.

— Пункт второй, — продолжила я, не поднимая головы. — Физическая и личная неприкосновенность. В этой мастерской действует железное правило дистанции вытянутой руки. Никаких фамильярностей, никаких сальных намеков, барских замашек и вторжений в мое личное пространство. Если вы хоть пальцем нарушите эту границу, контракт немедленно аннулируется.

Максим хмыкнул, в его темных глазах блеснула насмешливая искра.

— Не слишком ли много требований к простому заказчику? Но пусть будет так. Я умею держать дистанцию, когда это выгодно делу. Дальше.

— Пункт третий, самый главный, — я отложила перо и посмотрела ему прямо в лицо. — Вы не будете стоять над душой в своем кашемировом пальто и сыпать указаниями. Если вы хотите контролировать процесс и не доверяете моим отчетам, вы будете находиться здесь каждый божий день. Ровно в девять утра вы переступаете этот порог. Вы снимаете свои дизайнерские вещи, надеваете рабочий холщовый фартук и становитесь моим бесправным подмастерьем.

В мастерской воцарилась такая тишина, что стало слышно, как в камине оседает зола. Катя за моей спиной судорожно вздохнула и уронила металлическую ложечку.

Вяземский застыл. Его брови взлетели вверх, а в глазах отразилось неподдельное, искреннее изумление.

— Что, прости? — переспросил он, словно сомневаясь в собственном слухе. — Я? Твоим подмастерьем?

— Именно так, господин Вяземский, — с ледяной, уничтожающей вежливостью подтвердила я. — Реставрация — это не светский фуршет с бокалом шампанского. Это тяжелый физический труд. Вы будете лично растирать сухие пигменты на гранитном куранте до кровавых мозолей. Вы будете варить осетровый клей на водяной бане, мыть стеклянные кюветы, чистить палитры и дышать скипидаром наравне со мной. Вы должны на собственной шкуре прочувствовать цену каждой спасенной крупинки краски. Если вы опоздаете хоть на пять минут или откажетесь выполнять черную работу, доска останется лежать в сейфе.

Лицо Максима потемнело. Он смотрел на меня так, словно перед ним стояло привидение. Президент крупнейшего аукционного холдинга, человек, перед которым заискивали банкиры и министры, должен был встать к станку в рабочем фартуке и мыть посуду для реставрации? Это было неслыханным, чудовищным ударом по его самолюбию.

Позже Максим рассказал мне: в эту секунду он вспомнил лицо Германа Розенберга в ночном клубе на Остоженке. Вспыхнул императорский портсигар Фаберже с сапфировым замком и ключи от его обожаемого темно-зеленого «Ягуара». Если он отступит сейчас, если испугается требований девчонки, Герман сотрет его имя в порошок на глазах у всей столицы. Тридцать дней унижительного труда стоили величайшей реликвии императорского дома и победы над заклятым врагом. А главное — этот вызов разжег в его груди такой бешеный, первобытный азарт, какого он не испытывал уже много лет.

Его губы медленно изогнулись в опасной, хищной улыбке.

— Жестко, — протянул он сдавленным от сдерживаемого восторга голосом. — Очень жестко, Варвара. Но какова цена победы? Что получаешь ты, если через тридцать дней картина будет готова к торгам?

— Пункт четвертый, — твердо произнесла я, снова берясь за перо. — В случае успешного завершения реставрации и передачи картины на аукцион ваш инвестиционный фонд подписывает с нашей мастерской безотзывный договор безвозмездной аренды сроком на десять лет с заморозкой всех коммунальных ставок. Кроме того, ваш фонд полностью оплачивает годовой курс реабилитации Савелия Петровича в подмосковной клинике и покрывает все прежние задолженности.

Вяземский на мгновение прищурился, быстро подсчитывая цифры в уме.

— Принимается, — сухо бросил он. — Но у меня есть встречное условие. Если через тридцать дней работа не будет завершена в полном объеме по музейным стандартам, ты признаешь свое полное поражение. Твоя мастерская немедленно освобождает здание. А ты лично надеваешь самое роскошное вечернее платье, приходишь на закрытый аукцион в Барвихе под

руку со мной на правах моей спутницы и со сцены объявляешь всем присутствующим, что была неправа во всем.

Я почувствовала, как по затылку пробежал ледяной холодок. Ставка была чудовищно высока. Он требовал не просто победы, он требовал публичного порабощения моей гордости перед всем столичным бомондом.

Но я посмотрела на хрупкую фламандскую розу под лучом лампы, вспомнила добрые глаза Савелия Петровича на больничной подушке и поняла, что отступить мне некуда.

— По рукам, господин арт-дилер, — отчеканила я, ставя жирную подпись внизу страницы.

Я протянула перьевую ручку Максиму.

Мужчина сделал шаг вперед, наклоняясь над столом. Его плечо почти коснулось моего рукава. Когда он брал ручку, его сильные горячие пальцы на долю секунды накрыли мою ладонь.

Между нами словно проскочила ослепительная электрическая искра. Внутри у меня все оборвалось, сердце подпрыгнуло к горлу от внезапного, обжигающего жара чужого прикосновения. Максим тоже на мгновение замер. Его темные зрачки расширились, скользнув по моим приоткрытым губам и выбившейся пряди волос. Воздух вокруг нас словно вспыхнул сухим пламенем.

Затем он отвел взгляд и размашистым, хищным почерком поставил свою подпись под текстом договора.

— Завтра ровно в девять ноль-ноль, Варвара Дмитриевна, — тихо произнес он, и в его голосе прозвучали опасные, обволакивающие нотки. — Приготовьте мне самый большой фар-тук. Я намерен лично убедиться, чего стоит ваша хваленая гордость.

Напольные дубовые часы в углу мастерской звонко, гулко отбили полдень.

Первая минута тридцатидневного отсчета началась.

Глава 6

Сырой октябрьский рассвет только начинал просачиваться сквозь полукруглые сводчатые окна подвального этажа на Покровке. Здесь, в глубине старого купеческого флигеля с толстыми кирпичными стенами, всегда стояла собственная погода. Пахло сухим многолетним деревом, смолистым даммарным лаком, едким скипидаром и едва уловимым сладковатым духом осетрового клея, который уже полчаса тихо томился на электрической плитке в чугунной водяной бане.

Я стояла у длинного дубового верстака, натянув на пальцы тонкие белые хлопковые перчатки. Передо мной лежал тяжелый старинный подрамник темного дуба, вывезенный из полуразрушенной владимирской усадьбы. Столетия копоти, въевшейся печной гари, следов сырости и заскорузлого животного клея превратили благородную древесину в подобие обугленного бревна. Реставрация никогда не начиналась с тонких кистей. Она начиналась с черного, неблагодарного, физического труда, от которого к вечеру гудели плечи и немели пальцы.

Стрелка напольных часов миновала девять и добралась до четвертой минуты. Я посмотрела на дверь: еще минута — и вчерашний договор можно убирать в ящик.

В ту же секунду за массивной кованой дверью послышались тяжелые шаги. Замок скрипнул, железная створка с грохотом распахнулась, впустив клуб холодного уличного тумана и отчетливый аромат дорогого цитрусового парфюма с нотами сандала.

Я даже не повернула головы. Только кончик моего стального скребка аккуратно снял очередной миллиметр окаменевшего столетнего нагара.

— Прекрасный склеп, — раздался от порога бархатный, нарочито ленивый голос. — Влажность как в погребе для репы, освещение как на допросе, а ароматы способны свалить с ног кавалерийский полк. Доброе утро, Варвара Дмитриевна. Надеюсь, вы приготовили для меня чашку приличного кофе перед тем, как мы перейдем к осмотру шедевров?

Максим шагнул в круг света под подвесной лампой.

Выглядел он так, будто перепутал реставрационную мастерскую с вип-ложей благотворительного аукциона. Длинное пальто из тончайшей шерсти цвета мокрого асфальта распахнуто, под ним темный кашемировый джемпер безупречной посадки, отглаженные серые брюки со стрелками и ботинки из мягкой кожи ручной работы, сиявшие зеркальным воском. В правой руке он небрежно крутил новенький плоский смартфон с золотистым тиснением на гранях. На лице играла та самая снисходительная, самоуверенная усмешка столичного баловня судьбы, которая два дня назад заставила меня взяться за шпатель.

— Кофе подают на Чистых прудах, — сухо отозвалась я, продолжая размеренно вести лезвие вдоль волокон дуба. — А здесь рабочее помещение памятника архитектуры. Вы опоздали на четыре минуты.

— На четыре минуты? — Максим картинно изогнул бровь, подходя ближе и окидывая взглядом стеллажи с банками пигментов, фарфоровые черепки на стеллажах и штабели сухих досок. — В моем мире это называется королевской пунктуальностью. Кроме того, на улице шел отвратительный мелкий дождь. Мой шофер кружил по переулкам целую вечность, пытаясь найти въезд в этот заброшенный двор.

— Здесь нет въезда для лимузинов, — я наконец отложила скребок, сняла перчатки и медленно повернулась к нему лицом. — И шоферов здесь тоже нет. Вчера вы собственноручно подписали договор и согласились соблюдать мой регламент. Опоздание на пять минут — и фламандец остается в сейфе. Сегодня вы уложились в последнюю минуту. Завтра советую приехать раньше.

Максим усмехнулся, убрал смартфон в карман пальто и сделал еще шаг вперед, явно намереваясь сократить расстояние до привычной для него светской дистанции полунамеков.

— Полноте, Варвара. Мы оба взрослые люди. Контракт был формальностью для вашего душевного спокойствия. Я прекрасно понимаю, что вы хотели слегка проучить наглого арт-дилера. Что ж, браво, я оценил спектакль. Я готов выделить грант на модернизацию вашей вентиляции и нанять сюда троих подсобных рабочих из клининговой службы. Они отдраят эти полы до блеска за пару часов. А мы с вами сядем в сухом углу, достанем лупы и спокойно обсудим провенанс картины семнадцатого века.

Его самоуверенность была через край, плотная и вязкая, словно свежий столярный вар. Он искренне верил, будто мир делится на тех, кто платит, и тех, кто услужливо кивает.

Я молча подошла к старому шкафу из мореного ясеня, распахнула тяжелую дверцу и достала деревянный ящичек с медным навесным замочком.

— Телефон, — сказала я и придвинула открытый ящик. Максим посмотрел на него, как на мышеловку.

Максим моргнул. Усмешка на его холеном лице на мгновение дрогнула.

— Что, простите?

— Ваш телефон. Положите его в этот ящик. До конца рабочей смены никаких звонков, никаких сообщений, никаких котировок и фотографий для социальных сетей. Любой посторонний звонок сбивает дыхание при расчистке авторского слоя. Одно неверное движение руки реставратора способно уничтожить лессировку, которой четыреста лет.

— Вы шутите, — он нервно хохотнул, но я продолжала молча держать ящичек открытым. — У меня в полдень созвон с Лондоном по поводу продажи коллекции графики. Речь идет о семизначных суммах.

— Выбирайте прямо сейчас, господин Вяземский, — я посмотрела ему прямо в зрачки, не мигая. — Либо вы звоните в Лондон со ступенек парадного входа и больше никогда не переступаете этот порог, либо отдаете аппарат и остаетесь здесь на моих условиях. Ровно тридцать секунд на размышление.

В подвале повисла гулкая тишина. Было слышно только, как в углах потрескивает старая проводка и закипает вода под чугунной баней. Максим смотрел на меня с нескрываемым бешенством. В глубине его серых глаз плескалась ярость человека, которому за всю его сытую жизнь никто не осмеливался ставить ультиматумы. Его челюсти сжались так, что под гладкой кожей обозначились желваки.

Медленно, с ледяным высокомерием, он вытащил смартфон из кармана и небрежно бросил его на дно ящика.

Я захлопнула крышку, щелкнула замком и опустила ключ в карман своих рабочих джинсов.

— Прекрасно. Первый шаг к цивилизации сделан. Теперь гардероб.

— Что не так с моим гардеробом? — процедил он сквозь зубы. — Этот джемпер стоит больше, чем половина ваших реактивов на полках.

— Именно поэтому вы снимете пальто, повесите его вон на тот дальний крюк у входа и наденете вот это.

Я сняла с железного костыля в стене тяжелый, грубый фартук из некрашеной парусины с толстыми кожаными ремнями. Этот фартук служил верой и правдой еще моему учителю Савелию Петровичу. Он был заскорузлым от высохшего клея, покрыт темно-коричневыми потеками битумного лака, пятнами сурика и белесыми разводами гипса. Настоящая броня старого мастера, пахнувшая полувековым трудом.

Максим брезгливо отшатнулся, словно я протянула ему дохлую крысу.

— Я не надену этот саван для чумных больных.

— Тогда снимайте джемпер и работайте с голым торсом, — невозмутимо парировала я. — Мне все равно. Но мелкая дубовая пыль въедается в натуральную шерсть так, что ее не возьмет ни одна химчистка. А отмывать вас от столярного нагара я не нанималась.

Он шумно выдохнул сквозь ноздри. Стянул пальто, аккуратно, кончиками пальцев повесил его на ржавый гвоздь у двери, смерив стену уничтожающим взглядом. Затем рывком выхватил у меня парусиновый фартук и натянул его через голову.

Кожаные ремни перехватили его широкие плечи, грубая ткань легла поверх тончайшего кашемира, закрывая фигуру почти до колен. Контраст между его холеным лицом с аристократическим носом, идеальной стрижкой и чудовищно заляпанным рабочим фартуком оказался настолько комичным, что у меня внутри все задрожало от подавленного смеха. Я с трудом удержала невозмутимую мину.

— С чего начинаем спасать мировое наследие? — съязвил он, нервно одергивая подол фартука. — Несите шедевр. Где ваш фламандец?

— До фламандца вам еще расти и расти, подмастерье Вяземский, — я указала на угол мастерской, где высилась полутораметровая стопка черных дубовых брусьев. — Вот ваша персональная выставка на ближайшие четыре часа.

— Дрова? — он остоленел.

— Это исторические подрамники восемнадцатого века сложного клинового сочленения. На них слои копоти, плесени и спекшейся грязи. Задача проста до примитивности. Берете стальную циклевку, кусок грубой пемзы, жесткую волосяную щетку и снимаете грязь до чистого дерева. Движения строго вдоль волокон. Если оставите хоть одну поперечную царапину или срежете фаску на историческом шипе, будете шлифовать вручную до полуночи.

Я сунула ему в руки тяжелую циклевку из закаленной стали и кусок серой шероховатой пемзы.

Максим взял инструмент двумя пальцами, словно серебряный десертный прибор. В его глазах читалась абсолютная уверенность, что это пустяковое недоразумение закончится через десять минут.

— Ломать не строить, Варвара Дмитриевна. Посмотрим, кто из нас быстрее устанет от этого цирка.

Он подошел к верстаку, уложил первый брусок и с размаху полоснул скребком по дереву.

Раздался противный, визгливый скрежет, от которого у меня свело зубы. Стальное лезвие соскочило с обугленного сучка, врезалось в край дубовой планки и вырвало глубокий косой заусенец. Сам Максим от неожиданности покачнулся и едва не снес локтем стоящую рядом банку с льняным маслом.

— Стоять! — рявкнула я так, что он замер на месте с поднятыми руками. — Вы что творите, варвар? Вы держите инструмент как лопату для уборки снега!

Я подошла вплотную. От него пахло дорогим сандалом, свежим ветром и мгновенно вспыхнувшим жаром уязвленной гордости. Я встала сбоку, перехватила его правую ладонь и силой развернула запястье под правильным углом в сорок пять градусов.

Его кожа оказалась удивительно горячей. Под моими пальцами на его предплечье напряглись твердые сухожилия. Максим замер, перестав дышать, и я на долю секунды ощутила, как по моей собственной коже пробежала странная электрическая дрожь. Мы находились слишком близко, так близко, что я видела крошечную темную родинку у него над ключицей и темные крапинки в глубине серых радужек.

Я тут же взяла себя в руки и сжала его пальцы крепче, направляя лезвие.

— Большой палец сюда, упор на основание ладони. Вести плавно, всем корпусом, без рывков. Дерево чувствовать надо, а не насиловать. Понятно?

— Предельно доходчиво, учительница, — прошептал он с легкой хрипотцой прямо мне в ухо.

Глава 7

Я отпустила его руку и отступила на два шага назад, чувствуя, как предательски теплеют скулы.

— За работу.

Следующие три часа превратились для московского денди в форменный ад.

Поначалу он пытался сохранять небрежную мину, отпускал саркастические реплики и демонстративно стряхивал соринки с рукавов. Однако старый дуб не прощал снисходительности. Черная многовековая грязь стояла стенами. От трения циклевки и пемзы во все стороны летела мельчайшая серая пыль. Уже через сорок минут безупречный кашемировый воротник Максима покрылся густым налетом сажи. Пыль осела на его гладко выбритых щеках, забила в складки век и испачкала аккуратную челку.

Его дыхание стало тяжелым, прерывистым. Движения потеряли светскую вальяжность. Джемпер под фартуком промок на спине от пота, облепив широкие лопатки. Я видела, как между его большим и указательным пальцами наливается багровый волдырь, как дрожат от непривычного напряжения мышцы предплечья, но он упорно продолжал тереть брус за брусом, сжав зубы до скрипа.

В нем проснулось бешеное, упрямое мужское самолюбие. Он ни разу не попросил пощады, не присел на табурет и даже не попытался завести разговор об отдыхе.

Я работала рядом за соседним столом, укрепляя трещины на старинной фарфоровой вазе тончайшим японским шелком и эпоксидной смолой, краем глаза наблюдая за его метаморфозой. Напыщенный сноб из модных галерей на глазах превращался в живого, упрямого человека, ведущего войну с мертвой материей.

К полудню стопка неочищенных подрамников растаяла. На полу у ног Максима выросла целая гора серой стружки и сажи.

Он выпрямился с глухим стоном, держась рукой за поясницу. Фартук был черен, на носу красовалось широкое пятно угольной копоти, руки до самых локтей напоминали руки шахтера после забоя, а из-под задранной манжеты виднелись сбитые до крови костяшки.

Но дубовые бруски на верстаке сияли ровной, медовой, теплой обнаженной древесиной. Первый испорченный брусок лежал отдельно — над ним еще предстояло работать. Зато остальные я поворачивала в руках с растущим удивлением: Максим научился останавливаться прежде, чем лезвие цепляло фаску.

Максим медленно повернулся ко мне, смахнул тыльной стороной грязной ладони пот со лба, размазав копоть еще шире, и хрипло произнес.

— Принимайте работу, госпожа инквизитор. Или найдете еще пару центнеров дров для полного счастья?

Я медленно подошла, провела пальцем в белой перчатке по гладкой поверхности верхнего бруса. Перчатка осталась чистой.

Я подняла глаза и впервые за все время посмотрела на него без привычной насмешки.

— Для первого дня сносно, Вяземский. По крайней мере, руки у вас растут не из карманов брюк.

На его измученном, чумазом лице на мгновение вспыхнуло самое настоящее мальчишеское торжество, затмившее весь светский лоск.

После короткого получасового перерыва на глоток ледяной воды из-под крана мастерская снова погрузилась в тишину. Полуденное солнце с трудом пробивалось сквозь решетчатые окна, бросая на кирпичный пол косые полосы пыльного золота.

— Сначала отмойте руки, Вяземский. Сажу в пигмент не подмешивать, — сказала я, доставая из застекленного шкафа тяжелую плиту из полированного темно-красного порфира. — Сейчас начинается работа, требующая предельной деликатности. Мы готовим исторические пигменты для восполнения утрат авторского слоя.

Максим стоял у верстака, пытаясь оттереть въевшуюся сажу с предплечий грубой льняной ветошью. Он дошел до раковины, промыл пальцы и вернулся. Прежде чем взять пест, посмотрел на меня — теперь дожидался объяснения.

— Что это за надгробный камень? — спросил он, кивнув на порфировую плиту.

— Это курантовая доска. А вот это — курант, — я с глухим стуком опустила на камень массивный конусообразный пест с идеально гладким плоским основанием. — Настоящая темпера и масляная живопись семнадцатого века не терпела фабричных тюбиков. Художники растирали минералы вручную до состояния тончайшей пудры.

Я извлекла с нижней полки небольшую фарфоровую ступку, в которой лежали темно-синие кристаллы с золотистыми вкраплениями пирита.

— Натуральный афганский лазурит, — произнесла я, и в моем голосе невольно прозвучало благоговение. — Ляпис-лазурь высшей пробы. В эпоху фламандских мастеров унция очищенного ультрамарина стоила дороже чистого золота. Его везли караванами через пустыни, берегли в монастырских тайниках и доверяли только главным подмастерьям.

Максим наклонился ближе, разглядывая синие осколки. Свет лампы отразился в его зрачках.

— Я держал в руках манускрипты с ультрамариновыми миниатюрами на торгах в Женеве, — негромко заметил он. — Цвет не тускнеет веками. Но неужели в двадцать первом веке нельзя купить готовый пигмент в художественном салоне?

— Синтетический ультрамарин дает плоский, мертвый оттенок, — отрезала я. — Под ультрафиолетом и косым светом он кричит о подделке, как пластиковый стакан на серебряном подносе. Наша задача — не закрасить дыру, но восстановить дыхание времени. Ваша очередь. Берите курант.

Максим подошел к плите. Он взялся за полированную рукоять порфиrowого песта обеими руками, уперся ногами в каменный пол и с решительным видом приготовился давить.

— Движения должны быть круговыми, эллиптическими, — предупредила я, насыпая щепотку лазуритовой крошки на плиту и добавляя пару капель очищенной дистиллированной воды. — Никаких резких ударов. Только мягкое, равномерное трение. Чувствуйте плотность зерна.

— Я понял, Варвара. Я все-таки не идиот.

Он навалился на курант всем весом своего тренированного тела.

Это была его главная ошибка. Вместо плавного кругового движения Максим резко дернул тяжелый камень вперед, надеясь раздавить твердый минерал грубой силой. Мокрый пест соскользнул по гладкой поверхности порфира, с визгом ударился о край плиты и подпрыгнул.

Сухая синяя пыль лазурита, не успевшая смочиться водой, взметнулась в воздух плотным сапфировым облаком.

Максим судорожно вдохнул, поперхнулся и чихнул.

Облако ультрамарина мгновенно осело на всем, что находилось в радиусе метра. Но главным холстом для шедевра послужил сам арт-дилер.

Его прямой аристократический нос стал ослепительно-синим, словно у сказочного гнома. Густая кобальтовая полоса перечеркнула правую бровь, взметнулась к виску и щедро раскрасила мочку уха. Синяя пудра въелась в поры на его скулах, покрыла пальцы и густым слоем легла на кашмировый ворот джемпера.

Он замер с курантом в руках, хлопая глазами, на ресницах которых дрожала ультрамариновая пыльца.

Я прижала ладонь ко рту, изо всех сил стараясь не расхохотаться в голос. Мои плечи предательски тряслись.

— Очень авангардно, — выдавила я сквозь стиснутые зубы. — Ранний супрематизм. Вам невероятно идет этот колорит, господин Вяземский. Прямо готовый экспонат для Венецианской биеннале.

Максим медленно посмотрел на свои синие ладони, затем перевел взгляд на меня. В его глазах вспыхнуло возмущение, но, взглянув в осколок старого зеркала на стене, он сам не удержался от короткого хмыканья.

— Рад, что доставил вам эстетическое наслаждение, — проворчал он, пытаясь стереть лазурит рукавом, отчего синее пятно на щеке только размазалось, став похожим на боевой раскрас индейского вождя. — Чем это смывается?

— Ничем до завтрашнего утра. Натуральный пигмент въедается намертво. Но не расстраивайтесь, у нас впереди второй этап.

Я подошла к низкому стеклянному столику, где стояла закрытая деревянная шкатулка. Достала плоскую подушку позолотчика, обтянутую тончайшей замшей, специальный нож с обоюдоострым лезвием и веерную кисть из отборного беличьего волоса.

— Сусальное золото, — сказала я, открывая крошечную книжечку из папиросной бумаги. Между ее желтоватыми листками лежали невесомые золотые квадраты толщиной в доли микрона. — Здесь двадцать три карата. Оно тоньше паутины. Любое движение воздуха превратит его в пыль. Поэтому сейчас вы закроете рот, перестанете дышать и будете просто смотреть.

— Я могу помочь, — упрямо буркнул Максим, подходя ближе. — У меня твердая рука.

— Ваша твердая рука только что распылила годовой бюджет маленькой галереи, — осадила я его. — Стойте смирно и не дышите мне под руку.

Я взяла позолотный нож, слегка потерла лезвие о щеку, чтобы создать минимальное статическое напряжение, и осторожно подцепила край тончайшего золотого листа. Золото послушно приподнялось, трепеща в воздухе.

Максим отставил курант и подошел к столику позолотчика. Он стоял прямо за моим правым плечом. Я буквально кожей чувствовала исходящий от него жар. Его дыхание щекотало мои волосы у виска. Он действительно старался не двигаться, но мелкая пыль от дубовых досок, осевшая в его носоглотке еще утром, решила исход дела.

Он попытался сдержаться. Его грудь судорожно дернулась, он сжал зубы, но предательский резкий выдох все-таки сорвался с его губ.

Случилось то, чего боится каждый мастер золочения.

Воздушная волна ударила в подушку. Невесомый золотой листок сорвался с кончика ножа, взмыл под потолок, закружился в солнечном луче золотистым мотыльком и плавно спланировал прямо на Максима.

Золото облепило его левую скулу, осело тончайшей сияющей фольгой на влажном от пота лбу и запуталось в темных волосах.

Теперь он выглядел совершенно фантастически. Наполовину византийская мозаика, наполовину сапфировый идол. Золото сияло поверх ультрамариновых разводов на его благородном лице, создавая образ настолько дикий и одновременно притягательный, что у меня перехватило дыхание.

— Я... кажется, снова все испортил? — тихо спросил он, боясь пошевелить даже губами.

Я не успела ответить.

В глубине мастерской раздался сухой, зловеющий щелчок лопнувшего сухожилия древесины.

Тяжелый резной багет семнадцатого века, массивное дубовое обрамление с резными листьями аканта весом под сорок килограммов, стоял на вспомогательном мольберте у кирпичной стены. Видимо, от вибрации проезжавших по Покровке тяжелых грузовиков или от перепада влажности старый деревянный шип в нижнем пазу не выдержал и лопнул.

Мольберт опасно накренился.

Огромная резная рама соскользнула с упора и с глухим скрипом начала заваливаться вперед. А прямо под ней, на рабочем столе, лежала расчищенная доска с драгоценным фламандским полотном, не защищенная никаким стеклом.

Если бы рама рухнула на стол, острые резные завитки содрали бы красочный слой и раскололи старую доску.

Глава 8

У меня внутри все оборвалось. Я вскрикнула, метнувшись вперед, но расстояние было слишком велико.

Максим среагировал мгновенно.

В нем не осталось ни капли светской лени. С быстротой профессионального спортсмена он сорвался с места, совершил мощный бросок через половину комнаты и буквально рухнул телом под падающую махину.

Раздался глухой, тяжелый удар.

Максим перехватил дубовую раму обеими руками у самого края стола, в каких-нибудь пяти сантиметрах от красочного слоя фламандца. Удар пришелся ему прямо в плечо и грудь. Послышался треск разрываемой ткани джемпера, острый резной дубовый лист оцарапал ему ключицу, но он не разжал пальцев. Его мышцы вздулись канатами, он зашипел от боли сквозь зубы, удерживая чудовищный вес на одном только упрямстве.

Я подскочила следом, навалилась на нижнюю перекладину рамы, перехватывая центр тяжести.

— Держу! — выдохнула я, упираясь коленом в верстак. — Толкайте вверх, на меня!

Мы сработали в абсолютном, животном синхроне. Максим с глухим рыком подал дубовую махину вперед, я подставила широкие деревянные клинья, зафиксировала раму струбцинами и намертво прижала ее к капитальной кирпичной стене.

Только когда железные винты затянулись до упора, мы позволили себе отпустить дерево. Опасность миновала. Картина была цела.

Мы стояли в узком пространстве между верстаком и мольбертом, прижатые друг к другу почти вплотную. Максим тяжело, хрипло дышал, его широкая грудь вздымалась, касаясь моих

плеч. От него исходил мощный жар тела, смешанный с запахом ладана, сандала, пота и свежей минеральной пыли.

Его руки еще дрожали от предельного мышечного спазма. Кашемировый джемпер на плече был разорван, на ключице алела свежая царапина, из которой сочилась капля крови. А на лице по-прежнему сияло чистое сусальное золото вперемешку с сапфировым лазуритом.

Я смотрела в его глаза, расширенные от схлынувшего адреналина, и чувствовала, как мое собственное сердце колотится о ребра с оглушительной силой.

— Вы... вы сумасшедший, — прошептала я, чувствуя, как пересохло в горле. — Она же могла раздробить вам ключицу.

— Зато ваш фламандец жив, — криво усмехнулся он, не отводя взгляда. — Вы бы мне вовек не простили гибель этой доски.

И в этот момент плотина рухнула.

Нелепость ситуации, дикое напряжение последних секунд, его царственный и одновременно клоунский вид — все это сплелось в единый нервный узел.

Я не выдержала. Короткий смешок вырвался из моей груди, за ним второй, и через секунду я уже смеялась во весь голос, уткнувшись лбом в его невредимое плечо.

Максим замер от неожиданности, а затем его губы дрогнули, и он тоже расхохотался. Это был глубокий, искренний, свободный мужской смех, начисто лишенный сарказма и светской фальши. Он смеялся над собой, над мной, над дубовой рамой и над всем этим безумным днем.

— Тихо, не шевелитесь, — сказала я, с трудом успокаивая дыхание и отстраняясь на полшага.

Я подошла к шкафчику, смочила чистый льняной тампон в сладком миндальном масле и вернулась к нему.

— Стойте смирно, герой. Будем снимать драгоценности.

Я подняла руку и осторожно прикоснулась промасленным полотном к его виску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.